

ОГЛАВЛЕНИЕ

МАРФУШИНА РАДОСТЬ	11
КАЛИКИ	42
КОЧЕРГА	57
СОН	87
ХАРЧЕВАНИЕ	96
ПЕТРУШКА	123
КАБАК	140
ОЧЕРЕДЬ	157
ПИСЬМО	175
НА ЗАВОДЕ	192

КИНО	202
UNDERGROUND	218
ДОМ ТЕРПИМОСТИ	238
ХЛЮПИНО	253
ОПАЛА	269

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожи.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Но сколько произвола таится в этой тишине,
которая меня так влечет и завораживает!
сколько насилия! сколь обманчив этот покой!

Астольф де Кюстин.
Россия в 1839 году

· МАРФУШИНА РАДОСТЬ ·

Зимний луч солнечный сквозь окно заиндевелое пробился, Марфушеньке в нос попал. Открыла глаза Марфуша, чихнула. На самом интересном лучик солнечный разбудил: про заколдованный синий лес Марфуша опять сон видела да про мохнатых шустряков в том лесу. Подмигивали шустряки мохнатые из-за деревьев синих, высывали языки огненные изо ртов своих горячих, выписывали языками теми на коре деревьев светящиеся иероглифы, да все самые древние-предревные, сложные-пресложные, неведомые и самим китайцам, такие иероглифы, что *тайны* великие и страшные открывают. Душа замирает от сна такого, а видеть его почему-то приятно очень.

Откинула Марфуша ногой одеяло, потянулась, увидала на стене живую картинку с Ильей Муромцем, на долгогривом Сивке-Бурке скачущим, и вспомнила — последнее воскресенье сегодня. Последнее воскресенье рождественской недели. Хорошо-то как! Рождество святое все еще не кончилось! В школу токмо завтра идти. Неделю отдыхала Марфушенька. Семь дней будильник *мягкий* в семь часов не булькал, бабушка за ноги не дергала, папа не ворчал, мама не торопила, ранец с умной машиной спину не тянул.

Встала Марфуша с кровати, зевнула, стукнула в перегородку деревянную:

— Ма-м!

Нет ответа.

— Ма-а-ам!

Заворочалась мама за перегородкой:

— Чего тебе?

— Ничего.

— А ничего — так и спи себе, егоза...

Но Марфушеньке спать уж не хочется. Глянула она на окно замерзшее, солнцем озаренное, и вспомнила сразу, *какое* воскресенье сегодня, запрыгала на месте, в ладоши хлопнула:

— Подарочек!

Напомнило солнышко, напомнили узоры морозные на стекле о *главном*:

— Подарочек!

Взвизгнула Марфуша от радости. И испугалась тут же:

— А час-то который?!

Выскочила в рубашечке ночной, с косой расплетенной-растрепанной за перегородку, на часы глянула: полдесятого всего-то! Перекрестилась на иконы:

— Слава тебе, Господи!

Подарочек-то токмо в шесть вечера будет. В шесть вечера, в последнее воскресенье Рождества!

— Да что ж тебе не спится-то? — мама недовольно приподнялась на кровати.

Заворочался, засопел носом лежащий с мамою рядом отец, да не проснулся: вчера поздно пришел с площади Миусской, где торговал своими портсигарами деревянными, а ночью опять стучал стамеской, мастерил колыбельку для будущего братца Марфушиного. Зато бабка на печи сразу проснулась, закашляла, захрипела, сплюнула, бормоча:

— Пресвятая Богородица, прости нас и помилуй...

Увидела Марфушу, зашипела:

— Что ж ты, змея, отцу спать не даешь?

Закашлялся и дед в углу своем, за другой перегородкой. Марфуша в уборную скрылась — от баб-

ки подальше. А то еще в волосы вцепится. Бабка злая. А дедуля добрый, разговорчивый. Маманя серьезная, но хорошая. А папаня молчаливый да хмурый всегда. Вот и вся семья Марфушина.

Справила нужду Марфуша, умыла лицо, на себя в зеркало глядя. Нравится Марфуша себе самой: личико белое, без веснушек, волосы русые, ровные, гладкие, глаза серые, в маму, нос маленький, но не курносый, в папу, уши большие, дедушкины, а брови черные, бабушкины. В одиннадцать лет свои Марфуша умеет многое: учится на “хорошо”, с умной машиной на ты, по клавише печатает вслепую, по-китайски уже много слов знает, маме помогает, вышивает крестом и бисером, поет в церкви, молитвы легко учит наизусть, пельмени лепит, полы моет, стирает.

Вытянула из стакана свою щетку зубную в виде дракончика желто-красного, оживила, напоила зубным эликсиром, сунула в рот. Прыснул дракончик на язык *мятнымприятным*, набросился на зубы, заурчал. А Марфушенька тем временем расческу в волосы запустила. Занялась расческа *слоеная* работой своей привычной, поползла, жужжа, по русым волосам Марфушиным. Хороши волосы у Марфуши! Гладкие, длинные, шелковистые. Одно удовольствие расческе по таким полозить. Расчесала она их, вернулась к ма-

кушке и принялась косу заплетать. Марфушенька щетку-дракончика изо рта в руку выплюнула, промыла, в стакан поставила. Подмигнул ей дракончик-зубочист глазком огненным и застыл до следующего утра.

А уж на кухне бабушка неугомонная зовет-суется:

— Марфа, ставь самовар!

— Щас, баб! — крикнула Марфуша ответно, расческу китайскую поторопила:

— Куай-и-дярр!¹

Заурчала расческа громче, замелькали *мягкие* зубья ее в волосах русых побыстрее. Выбрала Марфуша бантик оранжевый и пару вишенок, дождалась, пока расческа дело свое доделает, и через перегородки — на кухню.

По плечу Марфуше наполнить самовар полутораведерный: налила воды, бересту подожгла, кинула в жерло черное, а сверху — шишек сосновых, за которыми они целым классом в Серебряный Бор ездили. Три мешка шишек набрала Марфуша за неделю. Подмога это большая родителям. И Москве-матушке.

Затрещала береста, Марфуша поверх шишек пук щепы березовой сунула, патрубок вставила, да другой конец — в дырку в стене. Там, за сте-

¹ *Куай-и-дярр!* — Быстрее! (кит.)